

Сюй Сицзина ошеломила эта напыщенная речь, у него даже выступил холодный пот. Он всегда был неискусен в общении со старшими, а тут ещё и внезапный натиск — он и правда не знал, как объяснить Ло Юньтин свои запутанные отношения с Цинь Цзэюанем. Ло Юньтин же была другой. Она десятилетия вращалась в высшем обществе и насмотрелась на всяких проходимцев, мечтающих взлететь на ветвь феникса, но никак не ожидала, что в собственном доме пригрела змею на груди и допустила такую промашку.

Когда Цинь Цзэюань всё им рассказал, у Ло Юньтин от злости давление подскочило. Она приказала несколько дней следить за Сюй Сицзином и выяснила, что тот совершенно не интересуется Цинь Цзэюанем. Это вызвало в ней смешанные чувства: с одной стороны, облегчение — раз уж они не привязаны друг к другу неразлучно, уговорить сына будет проще. Иначе, будь они единым сердцем, Цинь Цзэюань со своим характером ни за что не отступился бы. С другой стороны — злость: её драгоценный сын хорош во всём, а этот никчёмный Сюй Сицзин ещё и смотрит на него свысока!

Мысли женщины метались, но на лице не дрогнула ни одна мышца. Она смотрела на Сюй Сицзина, как на жалкого шута.

Насладившись его страхом, Ло Юньтин наконец небрежно заговорила:

— Цзэюань, наверное, много тебе дал. Не спеши отрицать. Что дал, то дал, я не стану требовать назад. Но если он ради тебя откажется жениться — это уже перебор. Порви с ним. И расторгни контракт с компанией. Штрафы платить не надо, заработанные деньги забирай себе, мы их назад не потребуем.

Мечта Сюй Сицзина внезапно сбылась, но он ещё не успел это осознать. Ло Юньтин не ждала его ответа и продолжала:

— Я слышала, у тебя в планах новый фильм? Мы с дядей обсудили. Всё-таки мы тебя растили, не станем с тобой жестоко обходиться. Снимайся. И ещё подготовим для тебя один фильм и один сериал. А дальше — как повезёт.

Сюй Сицзин запинаясь пробормотал:

— Фильм и сериал не нужно...

Ло Юньтин уже не смотрела на него:

— Дают — бери, не разглагольствуй. Ладно, можешь идти. Отныне эта дверь для тебя закрыта. Поднимись, посмотри, не забыл ли чего.

Забирать Сюй Сицзину было решительно нечего. Всё в его комнате принадлежало семье Цинь, и он не взял бы ни единой вещи. Выходя, он захватил только телефон, кошелёк и ключи. Поднявшись, он положил ключи на журнальный столик:

— Ключи оставляю здесь. Дядя, тётя, берегите здоровье.

Покидая родовую усадьбу Циней, он словно увидел того Сюй Сицзина, что пришёл сюда много лет назад, и прошёл мимо своего двадцатилетнего «я».

Восьмилетний Сюй Сицзин был тощ, как пятилетка, с жёлтым лицом и худым телом. Цинь Цзэюань вёл его за руку, и мальчик робко цеплялся за его палец. Цинь Цзэюань подстраивался под его шаг, шёл медленно. Сюй Сицзин изредка поднимал на него взгляд и тут же опускал

глаза.

Тогда Цинь Цзэюань тоже был молод, на нём ещё не лежала печать неприступности. Но для Сюй Сицзина он уже был божеством, вызывающим благоговение. Шаг за шагом он выводил мальчика из прошлой жизни в новый, неведомый мир.

Цинь Цзэюань распахнул дверь. Восемилетний Сюй Сицзин застыл на пороге в нерешительности и страхе. Цинь Цзэюань присел, мягко успокоил его несколькими словами, а потом взял на руки.

Маленький Сюй Сицзин крепко обвил шею Цинь Цзэюаня, отдавая ему всё своё доверие и надежду. Цинь Цзэюань внёс его внутрь. На столе были разложены сладости и закуски, которые так любят дети.

— Отныне это твой дом, — сказал Цинь Цзэюань.

Словно сон.

Сюй Сицзин не оглянулся.

—

Избавившись от Сюй Сицзина без особых усилий, Ло Юньтин, однако, не почувствовала облегчения. Она с упрёком сказала Цинь Канчжэню:

— Глянь на себя! Всё решается так просто, а ты взял да так отдубасил, что он до сих пор с постели встать не может!

Цинь Канчжэнь всё ещё кипел от злости:

— Обычно я на его выходки смотрел сквозь пальцы, но в таком деле, как брак, он не смеет своевольничать! И хватит ему свах навязывать — одна другой хуже. Выбери сама кого надо и дело с концом!

Ло Юньтин, любящая сына, тоже рассердилась:

— Ты за годы службы так и не избавился от своей командной привычки! Цзэюань сам знает, чего хочет. Ты будешь так верховодить — он тебя возненавидит!

— Да что он знает! Его желание — прожить жизнь с женщиной! Ещё раз слово скажет — ноги переломаю! — Цинь Канчжэнь и не думал сдаваться.

Ло Юньтин, не сумев его переубедить, резко развернулась:

— Сначала надо Цзэюаня уговорить, а потом решать! Сиди тут и злись в одиночку, я пойду, посмотрю, не проснулся ли он. Ну и дела! Родного сына так отделал!

Цинь Цзэюаня родители не запирали. Он просто получил взбучку от разъярённого отца и был пока не в состоянии подняться. Едва обработав раны, он рвался назад к Сюй Сицзину, из-за чего они расходились, а он, не желая лежать смиренно, то и дело пытался сбежать, отчего ему становилось только хуже, и в итоге начался жар.

Именно видя, что сыну становится всё хуже, Ло Юньтин и пригласила Сюй Сицзина для решительного разговора. Поднявшись в комнату, она увидела, что Цинь Цзэюань уже не спит,

и поспешила налить ему тёплой воды.

Заболев сам, Цинь Цзэюань наконец понял, как плохо было тогда Сюй Сицзину. Он нахмурился:

— О чём вы с отцом внизу спорили?

Ло Юньтин не стала скрывать, решив этим же ударом добить сыновью надежду:

— Только что был Сяо Цзин. Мы с отцом поговорили с ним. Он согласился порвать с нашей семьёй и расторгнуть контракт с компанией. Видишь? Он и не думает держаться. А ты тут зачем мучаешься?

Цинь Цзэюань поперхнулся водой и хрипло переспросил:

— Порвать?

Ло Юньтин похлопала его по спине:

— Это я его позвала, но решение он принял сам. Сынок, хоть мы с отцом и хотим, чтобы ты поскорее обзавёлся семьёй, я всё же о тебе забочусь. Лишь бы ты был счастлив. Даже если это мужчина... я могу попытаться смириться. Но посмотри — он и не думает о тебе. Двум нелюбящим людям быть вместе — зачем себя мучить?

Цинь Цзэюань, погружённый в отчаяние, устало опустился на подушки.

— Выйдите, пожалуйста. Я ещё посплю.

Он тогда поторопился рассказать родителям, надеясь показать Сюй Сицзину свою решимость. Но вышло всё наоборот, и это стало причиной их разлуки. Цинь Цзэюань ворочался в постели, думая лишь об одном: надо быстрее поправиться и вернуть Сюй Сицзина.

Выйдя из дома Циней, Сюй Сицзин не вернулся к Цинь Цзэюаню. Он шёл по дороге, пока наконец не осознал, что больше не связан ни с семьёй Цинь, ни с самим Цинь Цзэюанем. И тогда его накрыла волна ликования.

Он долго листал список контактов, думая, с кем бы разделить эту новость. Выбор пал на Динцзы. Однако тот не разделил его восторга и пригласил в студию — мол, нужно всё хорошенько обдумать.

Обсуждение было неизбежным. Динцзы уже ждал его. Первым делом он спросил:

— Какие планы?

Сюй Сицзин, уже обдумавший это по дороге, ответил без колебаний:

— Конечно, продолжу сниматься. Но в другую компанию идти не хочу, чтобы лишних проблем не было. Открою свою студию.

Динцзы кивнул:

— А деньги? Деньги есть?

За последние годы Сюй Сицзин неплохо заработал. Отчисления компании шли по особой,

льготной ставке — Цинь Цзэюань не брал с него процентов, так что все деньги оставались при нём. Для Цинь Цзэюаня это, возможно, были пустяки, но для Сюй Сицзина сумма была весьма внушительной. Он назвал цифру, но Динцзы не расслабился.

— Я знаю его родителей с детства. И ты знаешь — на этих высотах нет места наивности и доброте. Тем более он им всё выложил — они должны были взбеситься. А они так мягко с тобой говорили, столько благ пообещали... Мне что-то не верится.

<http://bllate.org/book/16267/1463871>